

Научная статья
УДК 94(470.620)«1920/...»
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-109-123
EDN: FFEAYK

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА: КУБАНО-ЧЕРНОМОРСКАЯ ОБЛАСТЬ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГГ.

Юрий Асланбиевич Яхутль

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия,
a075ca@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6750-4110>

Аннотация. Взаимоотношение большевиков с сельским населением Кубано-Черноморской области с момента повторного восстановления советской власти и до начала фактической реализации основных положений продовольственной и земельной политики в структуре нэпа характеризовались активным применением методов военного коммунизма. Для неё были характерны такие признаки как репрессии в отношении сельского населения, принудительное изъятие продовольствия, что неминуемо вело к росту военно-политического противостояния власти и общества. Переходный период от явно выраженной военно-коммунистической политики к практической реализации нэпа в регионе занял до полутора лет и завершился в 1923 г. Сложности переходного периода и формирование модели взаимоотношения РКП(б) и населения области во многом объяснялись спецификой региона, в котором сочетались классовые, сословные и межнациональные противоречия. Таким образом, на очередном этапе реформ, который начался в 1924 г. в рамках курса «Лицом к деревне», большевики согласились на компромисс, отказавшись от принудительных мер во внутренней политике.

Ключевые слова: РКП(б), власть, сельское население, казачье-крестьянские хозяйства, новая экономическая политика, модель взаимоотношений, Кубано-Черноморская область.

Для цитирования: Яхутль Ю.А. Власть и общество в условиях военно-политического и экономического кризиса: Кубано-Черноморская область в начале 1920-х гг. // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 109-123. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-109-123. EDN: FFEAYK.

© Яхутль Ю.А., 2023

Original article

AUTHORITY AND SOCIETY IN CONDITIONS OF MILITARY-POLITICAL AND ECONOMIC CRISIS: KUBAN-BLACK SEA REGION IN THE EARLY 1920S.

Yuri A. Yakhutl

Kuban State University, Krasnodar, Russia, a075ca@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6750-4110>

Abstract. The Bolsheviks' relationship with the rural population of the Kuban-Black Sea region was marked by the active use of war communist methods from the moment Soviet power was

restored and before the actual implementation of the main provisions of food and land policy in the structure of the NEP. Repression against the rural population, as well as forced food confiscation, ultimately led to a rise in military-political confrontation between the government and society. The interval between an official military-communist policy and the practical implementation of the NEP in the region lasted up to a year and a half, ending in 1923. The challenges of the transition phase, as well as the construction of a model of the connection between the RCP (b) and the region's populace, were largely explained by the region's peculiarities, which blended class, class, and interethnic tensions. As a result, the Bolsheviks agreed to a compromise in the following round of reforms, which began in 1924 as part of the "Facing the Countryside" course, abandoning coercive tactics in domestic affairs.

Keywords: RCP(b), government, rural population, Cossack-peasant farms, new economic policy, model of relationships, Kuban-Black Sea region.

For citation: Yakhutl Y.A. Power and society in conditions of military-political and economic crisis: the Kuban-Black Sea region in the early 1920s. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 109-123. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-109-123. EDN: FFEAYK.

© Yakhutl Y.A., 2023

Введение

В соответствии с постановлением ВЦИК РСФСР «О замене продовольственной и сырьевой развёрстки натуральным налогом» от 21 марта 1921 г. была отменена продовольственная развёрстка и введена налоговая система изъятия продуктов сельского хозяйства. Так в истории Советской России начинается процесс практической реализации комплекса экономических, политических мер, вошедшая в историю как новая экономическая политика. Причина столь кардинального изменения содержания внутренней политики, а именно отказ от основополагающих принципов политики военного коммунизма были обусловлены нарастающим противостоянием между властью в лице РКП(б) и большей части сельского и городского населения [Алешкин, Васильев 2012]. Советская Россия в 1920–1921 гг. продолжала находиться в острой фазе гражданского противостояния, итоги которой должны были определить историческую судьбу большевиков, их возможности реализовать идеи, провозглашённые в октябре 1917 г. или сложить свои полномочия под натиском крестьянских выступлений. В этих условиях политическое руководство страны объясняло свои уступки желанием «освободить» крестьянские хозяйства от непосильной продовольственной развёрстки, предоставив ограниченную экономическую свободу для расширения своего хозяйства и обеспечения продуктами питания внутреннего рынка Советской России. Таким образом, политическое решение X съезда РКП(б) от 15 марта 1921 г. о введении продналога, предопределило модель взаимоотношения власти и общества не только в период 1920-х гг., но и стало основой советской политической системы, которая формировалась на принципах однопартийности и государственного администрирования [Протоколы... 1933: 406].

Историография новой экономической политики во многом зависела от политической конъюнктуры, складывающейся в Советской России–СССР–Российской Федерации. Исследователи условно разделили историографию нэпа на четыре этапа, в том числе модернизацию аграрного сектора экономики.

Начальный период охватывает 1920-е гг., для которого характерно накопление фактического материала и оценка политических и экономических процессов непосредственными участниками и разработчиками нэпа. Содержание публикаций того периода находилось на грани между публицистикой и историческим описанием [Ленин 1977; Троцкий 1923; Преображенский 1924; Каменев 1923; Кактынь 1924]. Второй период охватывает 1930-е гг. и первую половину 1950-х гг., где в центре внимания исследователей была доколхозная деревня с её экономическими и социальными противоречиями и проблемы модернизации аграрного сектора экономики, а переход к нэпу расценивался как вынужденное отступление власти перед мелкобуржуазной стихией [Сталин 1933; Конюков 1949; Генкина 1954]. На третьем этапе с 1950-х гг. до середины 1980-х гг. советские историки активно изучали проблемы модернизации доколхозной деревни. Исследователи получили доступ к новым архивным фондам, что позволило всесторонне оценить содержание нэпа, её достижения, проблемы и кризисы, а также расширить тематику исследований [Данилов 1957; Берхин 1960; Островский 1967; Сидоров 1978]. Наиболее кардинальные изменения произошли со второй половины 1980-х гг. по настоящее время. Этот период характеризуется отказом от идеологических догм, вовлечением широкого круга архивных документов, принципиальным переосмыслением нэпа, модернизационных процессов в доколхозной деревне, новыми оценками взаимоотношений власти и крестьянства на основе цивилизационного подхода, а также активным использованием междисциплинарных методов [Данилов 1990; Трагедия советской деревни... 1999; Орлов 1999; Гимпельсон 2004; Виноградов 2015].

Следует отметить, что нэп всегда вызывал большой научный интерес не только у отечественных исследователей, но и зарубежных [Пайпс 1997; Грациози 2001; Верт 2006; Верт 2010; Левин 2008; Дэвис 1994; Перейра 1994]. Однако зарубежные историки в своих выводах, основанных на антисоветских позициях, представляют нэп как следствие внутрипартийной борьбы 1920-х гг., что ограничивает возможности объективной оценки сложных политических и социально-экономических процессов, происходивших в этот период в Советской России.

Хронологические рамки статьи охватывают период 1920–1923 гг. – переходный период, который характеризуется попыткой продолжить применение политики военного военного, встретившее активное сопротивление сельского населения Кубани и Черноморья.

Цель – оценить модель взаимодействия власти и сельского населения в условиях экономического, политического и социального кризиса на примере Кубано-Черноморской области в 1920–1923 гг. При написании статьи были использованы системный подход и диахронный сравнительный анализ. В статье использованы материалы партийных и государственных органов власти из архивов Краснодарского края.

Начало активной фазы большевизации Кубани и Черноморья 1920–1922 гг.

Народный комиссариат продовольствия РСФСР с учётом катастрофического положения с продовольственным обеспечением РККА и городского насе-

ления в рамках принятых решений партийным съездом РКП(б), правительством и ВЦИК предложил Уполнаркомпроду при Трудовой армии Юго-Востока собрать дополнительно 10 млн пудов продовольствия. Из этого объёма на долю индивидуальных казачье-крестьянских хозяйств Кубани и Черноморья приходилось 5 млн пудов. Это количество продовольствия необходимо было собрать до 15 мая 1921 г. Реакция населения и части руководства области были предсказуемы с учётом особенностей землепользования, социального и национального состава региона, а также налоговых традиций казачества. Было отмечено, что это разовое обложение невозможно определить как налог, так как налог в регионе собирался с десятины земли. Рассматривать такое решение как расчёт за долги с государством не имели под особой какой-либо экономического обоснования, так как регион переживал острый экономический кризис.

Большевики ошибочно считали, что казачьи и крестьянские хозяйства Юга России имеют избыточное количество продовольствия. Статистические данные свидетельствовали о том, что посевные площади в регионе сократились за период 1916–1921 гг. с 3 222 000 дес. до 1 611 929 дес. Сбор зерновых в 1921 г. составил 48 493 896 пуд, в то время как в 1916 г. было получено 203 170 000 пуд. На территории области в сельской местности проживало 2 166 153 чел., а в городах 490 000 чел., для пропитания которых требовалось 41 497 448 пуд. продовольствия из расчёта 16 пуд. и 14 пуд. соответственно на одного сельского и городского жителя. Эти показатели не учитывали потребности в обеспечении кормовой базы домашнего скота и лошадей. При наличии такого соотношения объёмов фактически имеющегося и дополнительного сбора продовольствия жителям Кубани грозил катастрофический голод, который разразился в 1921 г. Гражданская война нанесла серьёзный урон аграрному сектору экономики региона, который до 100 млн пуд излишек в довоенный период вывозил за пределы региона. Сокращение посевных площадей становилось главной угрозой новой продовольственной концепции большевиков, что вынуждало их сосредоточить имеющиеся средства и ресурсы на посевную кампанию, с активным использованием мобилизационных методов военного коммунизма. По признанию самих большевиков система военного коммунизма пришла в столкновение с интересами крестьянства [История Всесоюзной Коммунистической партии...1950: 238].

В первую очередь необходимо было восстановить часть сельскохозяйственных орудий и получить семена для посева. Вся площадь посевов по отделам области на 1921–1922 гг. составляла: Ейском – 582,723 дес., Кавказском – 398,479 дес., Краснодарском – 453,682 дес., Майкопском – 287,279 дес., Лабинском – 545,330 дес., Баталпашинском – 239,484 дес., Славянском – 235,700 дес., Темрюкском – 84,893 дес., Тимашевском – 360,795 дес. [ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 153. Л. 71 об., 73]. Таким образом мобилизационные методы работы большевиков оказывали существенное влияние на восстановление посевных площадей Кубани и Черноморья. Фактические площади посевов в 1922 г. составили 1 749 000 дес., а обложению подлежало по плану 2 660 000 дес. [ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 73. Л. 137]. Такая диспропорция в размерах объектов налогообложения объяснялась наличием скрытых земельных площадей – факты были

выявлены в Армавирском, Краснодарском, Майкопском, Славянском и Тимашевском отделах. По инициативе местных органов власти, не имея на эти действия законодательных актов ВЦИК или СНК РСФСР, выявленные дополнительные земельные участки конфисковывались и передавались в земельные фонды местных Советов с последующим перераспределением среди малоземельных хозяйств. Но «золотые денёчки продорганов», как их именовали инспектора, закончили в 1922 г. с принятием соответствующего закона сессией ВЦИК, запрещающая производить в административном порядке конфискацию имущества, в том числе земельных участков. В отношении трудового населения, ведущего интенсивное сельское хозяйство – хозяйство с многопольным севооборотом и производством технических культур, такими как лён, табак, сахарная свёкла и др., где производилось культурное улучшение земельных угодий, а земля обрабатывалась силами и средствами самого хозяйства допускалось применение наёмного труда в период уборки урожая [ГАКК. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 200. Л. 8].

Но в таких отделах как Кавказский, Ейский до 50 % пригодных к посеву земельных угодий не были обработаны. Уровень экономического состояния индивидуальных казачьих и крестьянских хозяйств Кубано-Черноморской области в начале реализации продналоговой кампании соответствовал следующим показателям: на одного едока, в среднем, приходилось 1–1,5 дес. земли и две коровы. При этом уровень урожайности казачье-крестьянских хозяйств в целом по области оставался по-прежнему низким, что сказывалось на объёмах собираемого продовольственного налога. Например, средняя урожайность в довоенного время казачье-крестьянских хозяйств в Кавказском отделе составляла 77 пуд. озимой пшеницы, а в начале 1920-х гг. достигала чуть больше 50 пуд. Остро стоял вопрос обеспеченности хозяйств рабочим скотом. В отделе в 1914 г. насчитывалось 161 651 лошадей и 65 016 волов, а в 1922 г. соответственно 23 699 и 33 475 [ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 496. Л. 13 об.].

И уже на этом этапе проявляются новые методы руководства, когда власть признает сложность решения продовольственного вопроса, но при этом отказывается вступать в диалог с сельским населением области и требует неукоснительного выполнения продовольственного задания: «Нужно единым порывом ударить и к 15 мая 1921 г. выполнить задание Рабоче-Крестьянской власти и этим доказать благодарность ей за её мероприятия в пользу трудящихся сохи и бороны» [ГАКК. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 21. Л. 91]. Так происходит трансформация крестьянской революции в крестьянскую войну против большевиков, который отождествлялся с продразвёрсткой и мобилизационными мероприятиями [Крестьянское движение в Поволжье... 2002: 7].

Разработанные инструкции для местных продовольственных органов позволяли конфисковать личное имущество неплательщика в случае неисполнения им в течение 48 часов обязательных налоговых платежей. Конфискации подлежали продукты питания, сельскохозяйственный инвентарь, рабочий и домашний скот. Осознавая, что такие действия приводили к полному разорению казачье-крестьянских хозяйств были предусмотрены ограничительные меры [ГАКК. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 73. Л. 2].

На территории с компактным проживанием горцев (черкесов) ситуация осложнялась отсутствием сельскохозяйственного инвентаря и рабочих рук. Домашний скот питался исключительно сухим сеном, что грозило массовой их гибелью. В горских аулах с весны 1920 г. на постоянной основе были расквартированы воинские части, чьи действия вызывали возмущение населения [ГАКК. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 7. Л. 51].

В регионе назревал военно-политический кризис, который угрожал существованию советской власти. Большевики вынуждены были перейти к практическим действиям, в том числе репрессивного характера. Революционный Военный Совет IX Кубанской армии и Кубано-Черноморский областной исполнительный комитет издал 15 марта 1921 г. приказ № 393, в котором предписывал брать в заложники из числа кулацких элементов станиц, сел и аулов, поддерживающих бело-зелёные формирования. Расстрел заложников производился в случае антисоветских выступлений или совершения преступлений в отношении советских, партийных работников или красноармейцев. В дополнении к приказу был определён список двадцати станиц и городов области, где необходимо было в обязательном порядке взять в заложники от 5 до 10 человек [ГАКК. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 26. Т. 1. Л. 270, 270 об.].

За период с 10 по 15 мая 1921 г. были проведены организационные мероприятия с участием продинспекторов, представителей местных исполнительных комитетов Советов, где были рассмотрены порядок организации и проведения сбора продовольственного налога. С 20 мая, повсеместно в области начался учёт объектов обложения. Но в процессе сбора налога областные органы власти посчитали возможным вернуться к испытанным военно-коммунистическим сборам налога. Вопреки декрета ВЦИК РСФСР, который требовал при сборе продналога опираться на местные Советы, были привлечены до 1,5 тыс. чел. переписчиков-добровольцев, которые за свою работу получали натуральную плату в размере одного фунта муки с каждых пяти хозяйств. Так практика комбедовского периода по сбору продразвёрстки нашла своё практическое применение на Кубани и Черноморье на начальном этапе новой экономической политики. Только с началом нового этапа реформ в 1924 г. в ходе реализации политики «Лицом к деревне» Советы смогли воплотить на практике свои фискальные функции.

Особые формы землепользования на Кубани и Черноморье во многом предопределили остроту земельного вопроса. Казачеству, которое составляло 45,8% населения принадлежало до 80% земли пригодных для обработки [Одинцов 1927: 11]. Среди казачьих хозяйств до 24% относились к категории зажиточных, что было в два раза выше, чем в «иногогородней» среде. Имущественные и сословные противоречия проецировали острый конфликт между казачеством и «иногогородним» крестьянством, который из состояния латентного переходил в открытую фазу при большевиках, которые способствовали активной миграции крестьян из Центральной России [Козлов 1977: 114]. Но декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 18 ноября 1920 г., по которому сохранялось трудовое землепользование казаков позволяло сдерживать

открытое противостояние с сельским населением Кубани и Черноморья на начальном этапе установления советской власти в регионе.

Земельный вопрос был одним из приоритетных на повестке дня первого областного съезда Советов крестьянских и казачьих депутатов, состоявшегося в декабре 1921 г. Первые попытки создания коллективных хозяйств, получившие название у местного населения «коммуния», не получили поддержки. Активные попытки ликвидировать частную собственность на землю под предлогом создания коллективных хозяйств формировали отчуждение и способствовали росту активного сопротивления сельского населения области реализуемой внутренней политики большевиков. Кубано-Черноморский ревком, объективно оценивая ситуацию в регионе, вынужден был отказаться от кардинальных земельных реформ, пытаясь сохранить лояльность жителей станиц и сел. Но при этом большевики от классовых принципов перераспределения земли не отказались и продолжали бесплатно наделять земельными участками беднейшую часть кубанской станицы [ГАКК Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 152. Л. 23]. Первые десять месяцев существования Кубано-Черноморского ревкома как высшего политического органа в области охарактеризовались неустойчивостью власти и нарастающим противоречием между РКП(б) и населением. Проявилось это в том числе в формировании местных органов власти. Инициатива на местах по организации и проведению выборов была признана областным ревкомом нецелесообразной и их результаты были отменены. Сельское население на такие действия реагировало негативно, призывая учитывать их мнение, возможности новых руководителей объективно воспринимать экономическую и политическую ситуацию в кубанской станице, которая была разорена, а также привлекать к руководству независимо от того казак ли он или крестьянин. Но областной ревком и его структурные подразделения, которые функционировали в 500 населённых пунктах, продолжали действовать в рамках жёсткого администрирования. Методы назначения позволяли обеспечить присутствие в руководящем составе ревкомов членов РКП(б). По мнению партийного руководства, Кубано-Черноморская область не должна была отличаться от центральных губерний Советской России, следовательно, методы внутренней политики, т. е. военного коммунизма были приемлемы и для казачьего региона.

Военно-политический кризис в начале 1920-х гг.

В марте 1920 г. на Кубани и Черноморье была повторно восстановлена советская власть, активная фаза Гражданской войны на юге России завершилась. Однако это не означало, что противостояния власти и общества завершилось, так как активная реализация политики военного коммунизма в таких сферах как сбор продовольствия и передел земли способствовали росту повстанческого движения сельского населения. Только летом 1920 г. объем продразвёрстки для всего юга России составлял 120 млн пудов, что не соответствовало экономическим возможностям индивидуальных казачьих и крестьянских хозяйств [Коллективизация сельского хозяйства... 1959: 7; Воронович 1922]. Большевики продолжали следовать разрушительным курсом,

усугубляя экономический кризис и порождая массовые антигосударственные выступления сельского населения [Климин 2007: 14].

Первые отряды бело-зелёных создаются уже в апреле 1920 г. Но дальнейшие действия местных органов власти лишь способствовали нарастанию противоречий с сельским населением и консолидации антибольшевистских сил. Так Кубано-Черноморский ревком как высший политический орган власти в регионе 9 апреля 1920 г. издал приказ № 26, в котором определил порядок принудительного изъятия продовольствия [ГАКК, Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 11. Л. 22]. В этих условиях областной ревком санкционировал решение областного продовольственного совещания о введении военной и экономической блокады станиц [ГАКК. Ф. Р-581. Оп. 1. Д. 189. Л. 5]. В результате уже летом 1920 г. в регионе сложилась критическая ситуация со сбором продовольствия, так как казаки и крестьяне отказывались добровольно сдавать хлеб на условиях, выдвинутых областным продовольственным отделом. Такие решения лишь способствовали нарастанию активному сопротивлению сельского населения политике большевиков, не позволяя перейти к мирному созидательному труду и формированию новых органов власти. Пассивное, скрытое сопротивление военно-коммунистическим методам большевиков сменилось открытым вооружённым сопротивлением со стороны казаков и крестьян. На начальном этапе повстанческого движения летом 1920 г. отряды бело-зелёных формировались на основе бывших военнослужащих белой армии М.А. Фостикова, П.А. Савицкого, Сухенко и Скакуна, В.Ф. Рябокonia и др. [ЦДНИКК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 20. Л. 17]. Но по мере усиления продовольственного давления, активного применения методов продразвёрстки, которые продолжались до лета 1922 г., повстанческие отряды стали пополняться казаками и крестьянами кубанских станиц. Активизации бело-зелёного движения способствовали необоснованные решения СНК РСФСР о единовременном сборе 5 млн пуд. зерновых, хотя в регионе был голод. В донесении сотрудников ЧК от 15 мая 1921 г. отмечалось недовольство населения таким решением. Кроме того, существовало неоднозначное отношение со стороны местных коммунистов к нэпу, которые, не понимая содержания новой продовольственной концепции пытались её отрицать, выступая против свободной торговли, продовольственного налога и др. [Советская деревня... 2000: 48].

Кроме того, большевики подвергли регламентации все стороны хозяйственной деятельности индивидуальных казачьих и крестьянских хозяйств.

Начиная с лета 1920 г. по осень 1922 г., Кубано-Черноморская область была охвачена активным повстанческим движением. В регионе было введено военное положение. Так в г. Ейске раскрыли контрреволюционный заговор, в котором активное участие приняли бывшие советские работники, всего было арестовано до 100 чел. Среди населения распространялись слухи о выступлениях в различных отделах Кубано-Черноморской области против коммунистов. Признавалось, что тяжесть хлебной развёрстки, слабость местных советов, партийных органов, действия частей РККА, милиции способствовали «развитию бандитизма». В ст. Старотитаровской Темрюкского района из-за отказа выполнить хлебную развёрстку было взято 100 заложников. А усиление репрессий в отно-

шении семей бело-зелёных вело к активному уходу части населения в леса и плавни Кубани. Такие факты были зафиксированы в ст. Северной, Бекетовской и др. Действия бело-зелёных формирований в период наивысшего подъёма повстанческого движения доходили до того, что они объявляли мобилизацию мужского населения. Так от имени главнокомандующего вооружёнными силами Юга России 3 апреля 1921 г. есаул Арканников издал приказ о мобилизации лиц мужского населения от 19 до 46 лет [ГАКК. Ф. 102. Д. 32. Оп. 1. Л. 5, 5 об., 60].

Кроме продовольственного вопроса остро стоял процесс формирования местных органов власти. Практика назначения руководителей ревкомов на местах из числа бывших красноармейцев, не имевших опыта работы, игнорировавшие традиции казачьего самоуправления способствовала росту военно-политического кризиса в регионе. Назначение представителей не казачьего сословия на руководящие должности в местных органах власти провоцировало социальный и сословный конфликт в кубанской станице. Так, командир «Кубанской повстанческой армии» Захарченко в своём воззвании призывал объединиться в борьбе с коммунистами и засильем иногородних и бывших красноармейцев в органах власти [ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 247. Л. 138].

Весной 1921 г. регион был охвачен повстанческим движением, активным участником которого стали местные жители. Областное руководство было вынуждено в экстренном порядке информировать ЦК РКП(б) о «критическом состоянии» в регионе и перевести местную партийную организацию на военное положение [ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 111. Л. 3]. Для умиротворения кубанской станицы активно стали применять регулярные части РККА. Одновременно предпринимались активные действия с целью сформировать социальную базу РКП(б) в сельской местности. С этой целью в области были организованы беспартийные крестьянские конференции. Но главным аргументом в диалоге с казаками и крестьянами Кубани была сила в лице РККА, ЧОНа и милиции. Усиливая военное давление на повстанческие отряды в 1920–1922 гг. Кубано-Черноморский ревком и Реввоенсовет 9-й армии постоянно обращался к казакам и крестьянам с предложением добровольно явиться в местные органы власти, прекратить сопротивление, но при этом продолжал угрожать тем, кто отказывался сложить оружие, вплоть до применения высшей меры наказания, а при необходимости уничтожения и населённых пунктов [ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 4. Л. 49].

Даже после осенних побед РККА в 1921 г. над повстанцами военные органы совместно с партийными структурами продолжали применять репрессии, а особые тройки получили право вынесения внесудебных решений. Для населения это означало широкое применение практики заложничества и внесудебные расправы. Большевики находились в ситуации потери не только контроля над частью региона, но существовала реальная угроза советской власти. Оперативные сводки ВЧК свидетельствовали о том, что казаки и крестьяне Кубано-Черноморской не поддерживали советскую власть, не реагируя на принятые решения X съездом РКП(б), так как содержание политики продналога принци-

пиально не отличалось от продразвёрстки. Хлеборобы Юга, как и крестьяне центральной России защищали свои права на землю и возможность свободной хозяйственной деятельности. Эти выступления носили антигосударственный характер и были направлены против разорительной политики «военного коммунизма» [Кондрашин 2013: 29].

В боевом расписании бело-зелёных отрядов, действовавших на территории Кубано-Черноморской области, по состоянию на начало лета 1922 г. в Ейском отделе было зафиксировано 7 отрядов во главе с Дубиной, в Тимашевском отделе – 6 отрядов, Славянском – 5 отрядов, Темрюкском – 3 отряда, Новороссийском – 3, Туапсинском – 2, Краснодарском – 5, Майкопском – 9, Лабинском – 10. Общее количество отрядов достигало 51 общей численностью 1 365 чел., которые имели на вооружении 24 пулемёта [ГАКК. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 36. Л. 157, 157 об.]. Но уже летом 1922 г. намечается уменьшения количества бело-зелёных отрядов [Кратова 2012: 50–51]. Проявляются признаки «усталости» населения от противостояния власти, сказываются первые положительные результаты новой экономической политики. Таким образом, весной-летом 1922 г. намечается перелом в противостоянии, когда военно-политическая обстановка в регионе переходит под контроль большевиков.

К осени 1923 г. накал военно-политического противостояния власти с сельским населением окончательно снижается, демонстрируя усталость как самого населения, так и большевиков. По состоянию на 1 октября 1923 г. численность повстанческих отрядов сократилась до 30 отрядов в составе 725 чел. [ГАКК. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 38. Л. 369, 369 об.].

Таким образом период 1920–1923 гг. для региона характеризуется острым конфликтом между большевиками и большей частью сельского населения. РКП(б) по инерции продолжил практиковать методы политики военного коммунизма на Кубани при реализации продовольственной, земельной политики, в ходе формирования местных органов власти, игнорируя особенности казачьего региона, чем был и обусловлен затянувшийся конфликт.

Заключение

Политика военного коммунизма как система политических и экономических мер советской власти, активно применявшаяся в годы гражданской войны, нашла своё практическое применение и после её завершения, формируя конфликт между населением и властью. Нарастание крестьянских восстаний в Советской России вынудило большевиков на X съезде партии отказаться от продразвёрстки как наиболее одиозной формы насильственного изъятия продовольствия. На Кубани и Черноморье внутренняя политика большевиков столкнулась с отчаянным сопротивлением казаков, которые выступали за сохранение традиционных форм самоуправления, возможности свободно распоряжаться произведённой продукцией. Для переходного периода от явно выраженной политики военного коммунизма к новым принципам сбора продовольствия было характерно наличие таких методов как принуждение и насилие, сочетавшееся с попытками компромисса и уступок с целью умиротворения региона. Но в целом

взаимоотношение власти и сельского населения в период до 1924 г. характеризуется преобладанием методов и средств военного коммунизма.

Балансируя на грани очередного гражданского противостояния, большевики вынуждены были пойти на компромисс с сельским населением, который был достигнут как за счёт военного превосходства, так и уступок в рамках новой экономической политики. Казаки и крестьяне Кубано-Черноморской области, в свою очередь, поддержали этот компромисс, признавая бессмысленность противостояния и демонстрируя желание заниматься хозяйственной деятельностью. Так была сформирована достаточно противоречивая система отношений власти и общества на основе компромиссов и косвенного принуждения, которая качественно изменилась при переходе к новому этапу реформ в 1924 г. в рамках политики «Лицом к деревне».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алешкин, Васильев 2012 – *Алешкин П.Ф., Васильев Ю.А.* Крестьянские восстания в России в 1918-1922 гг. От махновщины до антоновщины. – М.: Вече, 2012. – Т. 1. – 400 с.

Берхин 1960 – *Берхин И.Б.* Ленинский план построения социализма. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. – 126 с.

Верт 2006 – *Верт Н.* История Советского государства. – 3-е испр. изд. – М.: Весь Мир, 2006. – 560 с.

Верт 2010 – *Верт Н.* Террор и беспорядок. Сталинизм как система / Пер. с фр. А. И. Пигалева. – М.: РОССПЭН, 2010. – 444 с.

Виноградов 2015 – *Виноградов С.В.* НЭП: опыт создания многоукладной экономики. – Изд. 2-е, расшир. и доп. – Астрахань: ИП Сорокин Р.В., 2015. – 147 с.

Воронович 1922 – *Воронович Н.В.* Разоренная Кубань // Нужды деревни. – Прага, 1922. – № 3. – С. 58–63.

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

Генкина 1954 – *Генкина Э.Б.* Переход советского государства к новой экономической политике (1921—1922). – М.: Госполитиздат, 1954. – 504 с.

Гимпельсон 2004 – *Гимпельсон Е.Г.* НЭП. Новая экономическая политика Ленина - Сталина: проблемы и уроки (20-е гг. XX в.). – М.: Собрание, 2004. – 303 с.

Грациози 2001 – *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933 / Пер. с англ. Л.Ю. Пантиной. – М.: РОССПЭН, 2001. – 95 с.

Данилов 1957 – *Данилов В.П.* Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – 451 с.

Данилов 1990 – *Данилов В.П.* «Бухаринская альтернатива» // Бухарин: человек, политик, учёный / сост. А. Н. Солопов; предисл. Г. Л. Смирнова. – М.: Политиздат, 1990. – С. 82–129.

Дэвис 1994 – *Дэвис Р.У.* Советская экономическая реформа в исторической перспективе // НЭП: приобретения и потери / Российская Акад. наук, Ин-т российской истории; отв. ред. В. П. Дмитренко. – М.: Наука, 1994. – С. 7–26.

История Всесоюзной Коммунистической партии... 1950 – *История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)*. Краткий курс. – М.: Госполитиздат, 1950. – 351 с.

Кактынь 1924 – *Кактынь А.М.* Новая экономическая политика и «ножницы» (очередные задачи экономической политики). – М.: Красная новь, 1924. – 130 с.

Каменев 1923 – *Каменев Л.Б.* Положение в стране и в партии. – М.: Красная новь, 1923. – 48 с.

Климин 2007 – *Климин И.И.* Российское крестьянство в годы новой экономической политики (1921–1927). – СПб.: Издательство Политехнического университета, 2007. – 428 с.

Козлов 1977 – *Козлов А. И.* На историческом повороте. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского государственного университета, 1977. – 214 с.

Коллективизация сельского хозяйства... 1959 – *Коллективизация сельского хозяйства на Кубани. 1918–1929 гг.: сборник документов и материалов / сост. Н.С. Вертышева и др. – Краснодар: Книжное издательство, 1959. – Т. 1. – 201 с.*

Кондрашин 2013 – *Кондрашин В.В.* Отечественная и зарубежная историография крестьянского повстанческого движения в России в годы гражданской войны /Крестьянский фронт 1918–1922 гг. Сборник статей и материалов / Под. ред. А.В. Посадского. – М.: АИРО–XXI. 2013. – С. 24–47.

Конюков 1949 – *Конюков И.А.* Очерки о первых этапах коллективного земледелия, 1917–1925. – М.: Сельхозгиз, 1949. – 191 с.

Кратова 2012 – *Кратова Н.В.* Повстанческое движение на Кубани и в Пятигорье в начале 20-х годов XX века. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. – 254 с.

Крестьянское движение в Поволжье... 2002 – *Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Документы и материалы /Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. – М.: РОССПЭН, 2002. – 944 с.*

Левин 2008 – *Левин М.* Советский век / Пер. с англ. В. Новикова и Н. Копелянской. – М.: Европа, 2008. – 675 с.

Ленин 1977 – *Ленин В.И.* Политический отчет Центрального Комитета РКП(б). XI съезд РКП(б) 27 марта – 2 апреля 1922 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – М., 1977. – Т. 45. – С. 69–116.

Одинцов 1927 – *Одинцов С.С.* Сельское хозяйство Северо-Кавказского края к десятилетию Октябрьской революции // Известия Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета. – Ростов н/Д: Северо-Кавказское краевое земельное управление, 1927. – № 11. – С. 3–15.

Орлов 1999 – *Орлов И.Б.* Новая экономическая политика: история, опыт, проблемы. – М.: Государственный университет гуманитарных наук, 1999. – 193 с.

Островский 1967 – *Островский В.Б.* Колхозное крестьянство СССР: Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1967. – 329 с.

Пайпс 1997 – *Пайпс Р.* Россия при большевиках / Авториз. пер. с англ. – М.: РОССПЭН, 1997. – 670 с.

Перейра 1994 – *Перейра Н.* Советская Россия в 20-е годы глазами Запада // Россия в XX веке: Историки мира спорят: сб. статей. / Редкол.: И.Д. Ковальченко (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1994. – С. 382–392.

Преображенский 1924 – *Преображенский Е.А.* Основной закон социалистического накопления // Вестник Коммунистической академии. – 1924. – № 8. – С. 47–116.

Протоколы... 1933 – *Протоколы X съезда РКП(б).* – М.: Партийное издательство, 1933. – 954 с.

Сидоров 1978 – *Сидоров В.А.* Классовая борьба в доколхозной деревне, 1921–1929 гг. – М.: Мысль, 1978. – 246 с.

Советская деревня... 2000 – *Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М.: РОССПЭН, 2000. – Т. 1. 1918–1922 гг. – 864 с.*

Сталин 1933 – *Сталин И.В.* К вопросам аграрной политики в СССР: речь на конференции аграрников-марксистов. 27 декабря 1929 г. // Вопросы ленинизма. – Изд. 9-е, доп. – М., 1933. – С. 442–460.

Трагедия советской деревни... 1999 – *Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 // Документы и материалы: в 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинга, Л. Виола. – М., 1999. – Т. 1: Май 1927 - ноябрь 1929. – 880 с.*

Троцкий 1923 – *Троцкий Л.Д.* Основные вопросы революции. – М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. – 420 с.

ЦДНИКК – Центр документации новейшей истории Краснодарского края.

REFERENCES

ALESHKIN P.F., VASIL'EV YU.A. *Krest'yanskie vosstaniya v Rossii v 1918-1922 gg. Ot makhnovshchiny do antonovshchiny* [Peasant uprisings in Russia in 1918-1922. From Makhnovshchina to Antonovshchina.]. – Moscow: Veche, 2012. – V.1. – 400 p. (In Russ.).

BERKHIN I.B. *Leninskii plan postroeniya sotsializmu* [Lenin's plan for building socialism]. – Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1960. – 126 p. (In Russ.).

DANILOV V.P. «*Bukharinskaya al'ternativa*» ["Bukharin alternative"]. IN Bukharin: che-lovek, politik, uchenyi / sost. A. N. Solopov; predisl. G. L. Smirnova. – Moscow: Politizdat, 1990. – P. 82–129. (In Russ.).

DANILOV V.P. *Sozdanie material'no-tehnicheskikh predposylok kollektivizatsii sel'skogo khozyaistva v SSSR* [Creation of material and technical prerequisites for the collectivization of agriculture in the USSR]. – Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1957. – 451 p. (In Russ.).

DAVIES R.W. Soviet economic reform in historical perspective IN NEP: priobreteniya i po-teri / Rossiiskaya Akad. nauk, In-t rossiiskoi istorii; otv. red. V. P. Dmitrenko. – Moscow: Nauka, 1994. – P. 7–26.

GENKINA E.B. *Perekhod sovetskogo gosudarstva k novoi ekonomicheskoi politike (1921—1922)* [The transition of the Soviet state to the new economic policy (1921-1922)]. – Moscow: Gospolitizdat, 1954. – 504 p. (In Russ.).

GIMPEL'SON E.G. NEP. *Novaya ekonomicheskaya politika Lenina - Stalina: problemy i uroki (20-e gg. XX v.)* [NEP. New economic policy of Lenin - Stalin: problems and lessons (20s of the XX century)]. – Moscow: Sobranie, 2004. – 303 p. (In Russ.).

Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraja [State Archive of the Krasnodar Territory].

GRAZIOZI A. The Great Soviet Peasant War. Bolsheviks and Peasants. 1917-1933 / Per. s angl. L. Yu. Pantinoi. – Moscow.: ROSSPEN, 2001. – 95 p.

Istoriya Vsesoyuznoi Kommunisticheskoi partii (bol'shevikov). Kratkii kurs [History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Short course]. – Moscow: Gospolitizdat, 1950. – 351 p. (In Russ.).

KAITYN' A.M. *Novaya ekonomicheskaya politika i «nozhnitsy» (ocherednye zadachi ekonomicheskoi politiki)* [New economic policy and “scissors” (the next tasks of economic policy)]. – Moscow: Krasnaya nov', 1924. – 130 p. (In Russ.).

KAMENEV L.B. *Polozhenie v strane i v partii* [The situation in the country and in the party]. – Moscow: Krasnaya nov', 1923. – 48 p. (In Russ.).

KLIMIN I.I. *Rossiiskoe krest'yanstvo v gody novoi ekonomicheskoi politiki (1921–1927)* [The Russian peasantry during the years of the new economic policy (1921–1927)]. – Saint Petersburg: Izdatel'stvo Politehnicheskogo universiteta, 2007. – 428 p. (In Russ.).

Kollektivizatsiya sel'skogo khozyaistva na Kubani. 1918–1929 gg.: sbornik dokumentov i materialov [Collectivization of agriculture in Kuban. 1918–1929: collection of documents and materials]. / sost. N.S. Vertysheva i dr. – Krasnodar: Knizhnoe izdatel'stvo, 1959. – V. 1. – 201 p. (In Russ.).

KONDRASHIN V.V. *Otechestvennaya i zarubezhnaya istoriografiya krest'yanskogo povstancheskogo dvizheniya v Rossii v gody grazhdanskoi voiny* [Domestic and foreign historiography of the peasant insurgency in Russia during the Civil War]. IN *Krest'yanskii front 1918–1922 gg. Sbornik statei i materialov* / Pod. red. A.V. Posadskogo. – Moscow: AIRO–XXI. 2013. – P. 24–47. (In Russ.).

KONYUKOV I.A. *Ocherki o pervykh etapakh kollektivnogo zemledeliya, 1917–1925* [Essays on the first stages of collective agriculture, 1917–1925]. – Moscow: Sel'khozgiz, 1949. – 191 p. (In Russ.).

KOZLOV A. I. *Na istoricheskom povorote* [At a historical turning point]. – Rostov-on-Don: Izd-vo Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1977. – 214 p. (In Russ.).

KRATOVA N.V. *Povstanchesкое dvizhenie na Kubani i v Pyatigor'e v nachale 20-kh godov XX veka* [Insurgency in Kuban and Pyatigorye in the early 20s of the XX century.]. – Rostov-on-Don: Izd-vo YuNTs RAN, 2012. – 254 p. (In Russ.).

Krest'yanskoe dvizhenie v Povolzh'e. 1919–1922 gg.: Dokumenty i materialy [Peasant movement in the Volga region. 1919–1922: Documents and materials]. / Pod red. V. Danilova i T. Shani-na. – Moscow: ROSSPEN, 2002. – 944 p. (In Russ.).

LENIN V.I. *Politicheskii otchet Tsentral'nogo Komiteta RKP(b). XI s"ezd RKP(b) 27 marta - 2 aprelya 1922 g.* [Political report of the Central Committee of the RCP(b). XI Congress of the RCP(b) March 27 - April 2, 1922]. IN Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii*. – Moscow, 1977. – V. 45. – P. 69–116. (In Russ.).

LEWIN M. *The Soviet Century* / Per. s angl. V. Novikova i N. Kopelyanskoi. – Moscow: Evropa, 2008. – 675 p.

ODINTSOV S.S. *Sel'skoe khozyaistvo Severo-Kavkazskogo kraya k desyatiletiyu Oktiabr'skoi revolyutsii* [Agriculture of the North Caucasus region for the tenth anniversary of the October Revolution]. IN *Izvestiya Severo-Kavkazskogo kraevogo ispolnitel'nogo komiteta*. – Rostov-on-Don: Severo-Kavkazskoe kraevoe zemel'noe upravlenie, 1927. – № 11. – P. 3–15. (In Russ.).

ORLOV I.B. *Novaya ekonomicheskaya politika: istoriya, opyt, problem* [New economic policy: history, experience, problems]. – Moscow: Gosudarstvennyi universitet gumanitarnykh nauk, 1999. – 193 p. (In Russ.).

OSTROVSKII V.B. *Kolkhoznoe krest'yanstvo SSSR: Politika partii v derevne i ee sotsial'no-ekonomicheskie rezul'taty* [Collective farm peasantry of the USSR: Party policy in the countryside and its socio-economic results]. – Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1967. – 329 p. (In Russ.).

PEREIRA N. *Soviet Russia in the 20s through the eyes of the West* IN *Rossiia v KhKh veke: Istoriki mira sporyat: sb. statei*. / Redkol.: I. D. Koval'chenko (otv. red.) i dr. – Moscow: Nauka, 1994. – P. 382–392.

PIPES R. *Russia under the bolshevik regime* / Avtoriz. per. s angl. – Moscow: ROSSPEN, 1997. – 670 p.

PREOBRAZHENSKII E.A. *Osnovnoi zakon sotsialisticheskogo nakopleniya* [Basic Law of Socialist Accumulation]. IN *Vestnik Kommunisticheskoi akademii*. – 1924. – №8. – P. 47–116. (In Russ.).

Protokoly X s"ezda RKP(b) [Protocols of the X Congress of the RCP(b)]. – Moscow: Partinooe izdatel'stvo, 1933. – 954 p. (In Russ.).

SIDOROV V.A. *Klassovaya bor'ba v dokolkhoznoi derevne, 1921–1929 gg.* [Class struggle in the pre-collective farm village, 1921–1929.]. – Moscow: Mysl', 1978. – 246 p. (In Russ.).

Sovetskaya derevnya glazami VChK–OGOU–NKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy. V 4-kh t. [Soviet village through the eyes of the Cheka–OGOU–NKVD. 1918–1939. Documents and materials. In 4 vols.]. / Pod red. A. Berelovicha, V. Danilova. – Moscow: ROSSPEN, 2000. – V. 1. 1918–1922 gg. – 864 p. (In Russ.).

STALIN I.V. *K voprosam agrarnoi politiki v SSSR: rech' na konferentsii agrarnikov-marksistov. 27 dekabrya 1929 g.* [On issues of agricultural policy in the USSR: speech at the conference of Marxist agrarians. December 27, 1929]. IN *Voprosy leninizma*. – Izd. 9-e, dop. – Moscow, 1933. – P. 442–460. (In Russ.).

Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927-1939 // Dokumenty i materialy: v 5 t. [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. 1927-1939]. / pod red. V. Danilova, R. Manninga, L. Viola. – Moscow, 1999. – V. 1: Mai 1927 - noyabr' 1929. – 880 p. (In Russ.).

TROTSKII L.D. *Osnovnye voprosy revolyutsii* [Basic questions of the revolution]. – Moscow; Petrograd: Gos. izd-vo, 1923. – 420 p. (In Russ.).

Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Krasnodarskogo kraja [Documentation Center for the Contemporary History of the Krasnodar Territory].

VINOGRADOV S.V. *NEP: opyt sozdaniya mnogoukladnoi ekonomiki* [NEP: experience in creating a multi-structure economy]. – Izd. 2-e, rasshir. i dop. – Astrakhan': IP Sorokin R. V., 2015. – 147 p. (In Russ.).

VORONOVICH N.V. *Razorennaya Kuban'* [Ruined Kuban]. IN *Nuzhdy derevni.* – Prague, 1922. – № 3. – P. 58–63. (In Russ.).

WERT N. *Histoire De L'Union Soviétique. De l'Empire russe a l'Union soviétique 1900-1991.* – 3-e ispr. izd. – Moscow: Ves' Mir, 2006. – 560 p.

WERT N. *La Terreur et le désarroi Staline et son système* / Per. s fr. A. I. Pigaleva. – Moscow: ROSSPEN, 2010. – 444 p.

Информация об авторе

Ю.А. Яхутль – профессор, доктор исторических наук, доцент

Information about the author

Y.A. Yakhutl – professor, doctor of historical sciences, associate professor

Статья поступила в редакцию 16.10.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

The article was submitted 16.10.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.